

ПРОШУ СЛОВА

В ЕДИНОМ ЭКОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Николай ВОРОНЦОВ, министр природопользования
и охраны окружающей среды СССР, народный депутат РСФСР

Сегодня возникло понятие о едином экономическом пространстве в границах бывшего Союза. Но с еще большим основанием можно говорить о едином экологическом пространстве. Границы экологических зон, речных бассейнов и т. п. в большинстве не совпадают с административными, все переходит за границы. Поэтому нынешние сепаратистские тенденции вызывают у меня большую тревогу. Не как у союзного министра, пекущегося о сохранении кресла, а как у специалиста, знакомого с проблемой изнутри.

Пусть не покажется парадоксом: экономические и социальные последствия национального эгоизма в сфере экологии могут угрожать суверенитету. Чтобы этого избежать, не обойтись без некоего «третьего суда» в лице межреспубликанского органа. Как не обойтись и без общих стандартов.

Убежден: «экологическим суверенитетом» поступиться можно и должно. Иначе навлечем на себя еще большие беды. Разумеется, контроль на местах, проведение экспертиз — все это компетенция республик. Но за центром должна остаться разработка единой методологии экологического контроля. Многие проблемы вообще могут быть решены лишь на уровне мирового сообщества.

Было бы наивно думать, что коль скоро во главе республик стоят прогрессивные президенты, то и республиканские администрации состоят исключительно из прогрессивных работников. Хотя бы поэтому нельзя разрушать союзную систему природоохранных ведомств, которая и создана-то была с большими трудами всего лишь три года назад. Она, безусловно, сыграла свою роль при разработке и

проведении в жизнь единых принципов природопользования.

Кстати, есть определенная связь между экологическими бедствиями и возникновением этнических конфликтов. Самые яркие примеры — Фергана и Сумгаит. Условия скученности и постоянного отравления, помимо всего прочего, порождают агрессию.

К чему может привести тенденция разрастания по республикам все союзные структуры, хочу показать лишь на одном примере. Сегодня страна не знает чумы на людях, хотя 10 процентов ее территории относятся к чумным очагам. Противопандемическая служба работает самоотверженно. Когда, например, в 1968 году разразилась эпидемия в Кызылкуме, туда были срочно переброшены противочумные отряды из Тувы, Забайкалья, Астрахани. Семь лет спустя тревожная ситуация сложилась в Туве, и все сосредоточилось там. Да как же можно ликвидировать единую эпидемиологическую службу?

Сегодня и центр, и все республики в вопросах рыночной экономики никакого опыта не имеют. А нужно создавать механизмы экономического регулирования природопользования, экологический рынок природоохранных технологий. Жизнь заставит делать это сообщество, на основе межреспубликанских и международных программ. За примерами ходить недалеко: возьмем проблему сохранения поголовья осетровых в Каспийском море. В нем сосредоточено 90 процентов их мирового стада. Но ловить осетровых в море нельзя, стадо в этом случае очень быстро исчезнет. Это можно делать лишь в реках в период нереста. Но не все республики, расположенные на берегах Каспия, имеют реки, в

него впадающие. И только за то, что они не ловят осетров в море, Россия и Казахстан должны делиться с Азербайджаном и Туркменией частью волжского и уральского улова. А последние должны участвовать в строительстве рыбозаводов и в разбросанных мероприятиях. К подобной комплексной программе было бы целесообразно привлечь и Иран.

Работы по изучению последствий чернобыльской аварии важны не только для нашей страны. Но ведутся они из рук вон плохо. Например, анализом генетических последствий катастрофы, по существу, никто не занимается. То, что иногда публикуют газеты, всякие там фотографии телят от шести ног, — это не генетические отклонения, а нарушения индивидуального развития. «Правда» недавно порадовалась, что члено генетических заболеваний в зоне Чернобыля в 1987 году по сравнению с 1986 годом не возросло. Но радоваться-то почему! Подобное сравнение неправомерно. Большинство возникающих мутаций рецессивные, это хорошо знают все специалисты. Они проявляются лишь через поколение, и учет их очень сложен. Никто этим не занимается, проблема профанируется.

С помощью мирового сообщества мы могли бы создать переклассный международный институт для исследований этой проблемы и обеспечить за счет ранней диагностики раковых заболеваний равную продолжительность жизни в зонах Чернобыля и Кыштыма с непораженными территориями. Но решение вопроса закрутилось в вихре аппаратных игр.